

УДК 316

РУССКИЙ МИР: К ПОИСКУ СМЫСЛОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Д.В. Куницкий

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Поступила в редакцию: 05.08.24

В окончательном варианте: 05.09.24

Аннотация. В статье обосновывается необходимость осмысления Русского мира как онтологической реальности – исторического феномена и понятия, раскрывающего его сущность, во всей полноте. Указано, что препятствиями к самоопределению Русского мира являются вестернизация и секуляризация в нем самом, а также конструктивистская парадигма западного модерна и постмодерна. Многообразие подходов, теоретическая неразработанность понятия «Русский мир» не отменяют необходимости и возможности его достоверного смыслового определения. Требуется иерархизация понятия и его введение в трехуровневую христианскую антропологию. Система критериев установления границ Русского мира и отнесения к нему того или иного лица или феномена выстраивается вокруг русского духа и своим эталоном имеет святую Русь, далее определяя ту или иную меру сопричастности.

Ключевые слова: Русский мир, русский дух, русская словесность, национальный инжиниринг, библейский этногенез, духовная причастность, культурное пространство, святая Русь

THE RUSSIAN WORLD: IN FAVOR OF THE SEARCH FOR SEMANTIC CERTAINTY

E.A. Tyugashev

Independent researcher,
Novosibirsk, Russia

Original article submitted: 05.08.24

Revision submitted: 05.09.24

Abstract. The article substantiates the need to understand the Russian world as an ontological reality – a historical phenomenon and concept that reveals its essence in its entirety. It is indicated that the obstacles to self-determination of the Russian world are Westernization and secularization in itself, as well as the constructivist paradigm of Western modernism and postmodernism. The variety of approaches, the theoretical indevelopment of the concept of the Russian world does not negate the need and possibility of its reliable semantic definition. It requires the hierarchization of the concept and its introduction into a three-level Christian anthropology. The system of criteria for establishing the boundaries of the Russian world and the attribution of a person or phenomenon to it is built around the Russian spirit and has the Holy Russia as its standard, further defining this or that measure of belonging.

Keywords: the Russian world, Russian spirit, the Russian word, national engineering, biblical ethnogenesis, spiritual involvement, cultural space, the Holy Russia

В эпоху постмодернизма с его симулякрами, интеллектуальным и социальным конструктивизмом и одновременно торжествующим позитивизмом (с его онтологией номинализма) начать следует с онтологического признания бытия Русского мира – того, что он есть: и как живая сущность в жизненном пространстве («элемент объективной реальности»), и как понятие, не просто обозначающее, но и выражающее сущность Русского мира.

Поиск смысловой определенности Русского мира следует начать с того, что против него сейчас, очевидно, ведется война глобального масштаба – причем и как с живой сущностью, и как с понятием. Это понятие стремятся дискредитировать, содержательно исказить и не позволить ему приобрести ясные смысловые очертания вначале в среде интеллигенции, а затем и в народном сознании. И, следует признать, небезуспешно. Главной причиной этого является само состояние Русского мира, который весьма удался от самого себя в своей жизни, а потому и испытывает весьма сильные затруднения в осознании себя.

Суть этого самоосознания можно свести к двум взаимосвязанным факторам. Первый – это секуляризация. Это означает, что вся душа Русского мира исторически создана и выпестована православным христианством. Вне православия Русский мир утрачивает духовную кровь и превращается в мумифицированный музейный экспонат либо в некую постмодернистскую имитацию, симулякр – форму, в которую можно вписать любое содержание вплоть до «русского западничества» и даже «русской русофобии».

Религиозность на Руси продолжает находиться в глубоком кризисе: в Российской Федерации количество воцерковленных составляет 1–2 % от русского населения, в Республике Беларусь – около 3–4 % за счет населения западной части страны – там удалось избежать в 1920–1930-е годы системного расцерковления, насаждения атеизма и террористической ликвидации духовенства. Более того, исследования ВЦИОМ показывают, что происходит стихийная секуляризация – снижение уровня религиозности в каждой возрастной группе (особенно в молодой) по мере смены поколений [1], а также выхолащивание восприятия самой религии формально верующими. Очевидно, этому способствует общий характер современного культурно-гуманитарного пространства на Руси. На Украине показатели религиозности были на порядок выше, особенно в регионах Волыни и Галиции, однако сама малороссийская религиозность претерпела колоссальное разрушительное воздействие – многообразные извращения в направлении ее дехристианизации (проявились в том числе в различных формах раскола), неизменно сопровождавшейся не только отторжением от русского самосознания, но и противопоставлением ему.

Второй фактор – это вестернизация, ползучее проникновение западноевропейской цивилизации во все поры и органы народов Русского мира. Это также непосредственно связано с секуляризацией, тем более что именно секуляризация и составляет еще со времен Великой схизмы самую суть Запада как главного антагониста Русского мира. Сам по себе Запад представляет собою не столько географическое понятие (Финляндия и страны Прибалтики, например, лежат восточнее Сербии и Греции), сколько духовно-цивилизационное. При этом одной из первых областей проявления этой вестернизации, теснейшим образом связанной с религиозностью, является язык, слово – то, в чем заключается исходное различие всех народов и в значительной мере

сосредотачивается духовная жизнь, задавая и границы миров, в частности русского, англосаксонского, романо-германского.

Вестернизация языка (через американизацию лексики и вплоть до латинизации письма) особенно сильно проявляется в молодежной культуре и в языке отечественной гуманитарной науки и образования, которые по характеру воздействия на умы людей (на душу народа) на данном этапе замещают собою церковное богословие (хотя должны были бы продолжать и дополнять). Об этом свидетельствует уже сама категория идентичности, доминирующая в современном исследовании и обсуждении проблемы самосознания: она принадлежит как раз к англосаксонской философской традиции, задающей соответствующий ход мысли, и отличается от отечественных понятий самосознания, самоопределения, самобытности. Можно выделить две отличительные особенности категории идентичности и ее имманентные следствия для определения Русского мира.

А. Концентрация на самом себе, на Я (эгоцентризм), на максимальной феноменологической редукции самости – выведении ее из-под качественных определенностей и причастности (как правило, фундаментальному, глубинному и широкому). Это имеет особые последствия, в частности, для самосознания белорусов и малороссов-украинцев: поиск их идентичности неизменно сводится к достижению максимального отличия от великороссов, а шире – от того самого Русского мира. В то время как самоопределение, самосознание (как плод самопознания), напротив, направляет мысль на поиск предназначения своего Я, а значит – не на отделение и редукционистское самозамыкание, а наоборот – на открытость и приобщение к чему-то масштабно-общему, великому, а в идеале – высокому: своему божественному призванию. Четкое различие между идентичностью и самоопределением мы видим в определении Владимиром Соловьевым национальной идеи как «не того, что она сама думает о себе во времени, но того, что Бог думает о ней в вечности» [2, с. 220].

Б. Второй отличительной особенностью идентичности и ее логики является склонность к конструктивистскому ее пониманию. Поскольку англосаксонская традиция предельно деистична, далее секулярна и эволюционистична, то самость в ней обретает характер искусственного проектирования – самопроектирования либо внешнего инжиниринга. Начиная с конца XVIII века национальное проектирование стало генеральной линией западных масонских элит в рамках парадигмы романтизма, декларативно «противопоставленной», а на деле дополняющей свою же предшествующую парадигму рационализма (следует говорить о несомненном единстве Просвещения и модерна, а вкупе с ними – и Возрождения). И если в отношении романо-германского мира национальный инжиниринг долгое время ориентировался на консолидацию республиканских наций, то в отношении восточных народов (а особенно славянских), наоборот, руководящим принципом была их дезинтеграция.

В это время в результате теоретического и практического проектирования с достаточно понятными целями были «созданы» такие нации, как румынская, бошняцкая, позже украинская, литвинско-белорусская, югославская, черногорская, македонская, также египетская, сирийская, ливанская, иракская, палестинская и ряд иных. Проектируемые нации славянского мира неизменно

обладали почти полностью негативной идентичностью с отрицанием в себе исконных родовых корней и своим суперэтносом. Однако данный проектный характер идентичности далее проектно же распространяется и на все прочие самости и самосознание: все народы и культуры всех эпох рассматриваются как эмерджентные и стохастические. Так возникает общее противостояние масонско-просвещенческой теории этногенеза традиционной библейской.

Собственно, отсюда и произрастает современное идеологическое противостояние понятию Русского мира. Таковое обвиняется в искусственном происхождении, «научной недостоверности», считается следствием политехнологических изысканий, плодом коварных козней российской власти. Обострение этой понятийно-смысловой травли ожидаемо резко обострилось с началом «русской весны» в 2014-м году. При этом активно использовалось то, что в самой России понятие Русского мира в тот период приобрело несколько пропагандистский характер, причем не имело какого-либо исторического и содержательного наполнения, являясь наспех подхваченным средством консолидации российского населения вокруг проводимой политики в строго установленных этой политикой рамках.

Используя эти обстоятельства, влиятельный белорусский политолог Светлана Алейникова в своей монографии «“Русский мир”: белорусский взгляд» заключает, что «выделенные ключевые признаки принадлежности к Русскому миру в различных подходах дают основание рассматривать его в качестве: а) модернизированного варианта “русской идеи”; б) религиозно-политического проекта РПЦ; в) инструмента “мягкой силы” Российской Федерации» [3, с. 165]. Интерпретации Русского мира в соответствующем ключе посвящен и ряд ее работ, обобщенных в докторской диссертации «Феномен национального политического маркетинга (на примере концепта “Русский мир”)» [4].

Оставим в стороне весьма прохладное отношение автора к понятию «Русский мир». Ее анализ смысловых контекстов использования данного ключевого понятия указывает на их несогласованное многообразие, а также «неработанность и отсутствие единых представлений о его главной составляющей – целевой функции... и обусловленного ею перечня стратегических задач» [3, с. 168]. Не стоит ожидать, что это согласование и целевое единодушие будет легко достигнуты – особенно в академической среде – даже среди апологетов Русского мира, не говоря уже об их оппонентах. Это обусловлено как многогранностью понятия, так и почти нерешаемой методологической задачей отнесения к Русскому миру (или исключения из него) конкретных людей и их сообществ: неизбежно будет наблюдаться разная степень соответствия конкретного лица или группы лиц той или иной грани Русского мира и совокупности их.

Тем не менее это не должно привести как раз апологетов Русского мира к номиналистической релятивизации понятия и утрате его онтологичности. Более того, все существенные грани данного понятия должны быть сохранены и сведены в некое единство – без утраты даже второстепенных. Для этого, в частности, целесообразно двигаться по пути иерархизации понятия – перехода от его многогранности к его многоуровневости. Каково должно быть иерархическое строение понятия «Русский мир»? Ответ на этот вопрос требует философского выяснения, что является самым главным в нем, каковы его природа и сущностное начало.

Если исходить из христианского понимания природы человека как иерархичного духовно-душевно-телесного существа, а не социобиологического (социализированного животного), тогда всякий мир будет, в первую очередь, пространством человеческого духа и его плодов, а значит, Русский мир – духовно-душевно-телесное пространство, выстроенное, по меньшей мере, при ведущем участии русского народа. При этом именно «русский дух» должен иметь сущеобразующее значение – логоса Русского мира. Принадлежать к Русскому миру – значит иметь русский дух, быть к нему причастным в той или иной мере.

И хотя сам дух и создаваемая им духовность личности и духовная сфера общества сами многообразны и сочетаются с основными силами души, несомненно его собственное метафизическое происхождение и религиозное содержание. Тщательное научное исследование не может не определить, что именно православное христианство является исключительным источником русского духа. Поэтому справедливо утверждать, что квинтэссенция Русского мира заключается в понятии святой Руси как совокупности его идеи (телеологической), эталона и опытно-исторической достоверности.

Безусловно, Русский мир выходит за границы Русской Православной Церкви, однако лишь потому, что само Православие (апостольско-святоотеческая ортодоксия) шире самого себя и обращено к неправославному миру, знает его законы. Поэтому этнически нерусский гражданин русского государства, этнический тюрк и мусульманин по вероисповеданию или даже коренной гражданин Германии, протестант, но чувствующие близость православного русского духа, проявляющего себя через язык, исторический государственный путь, культуру, становятся в меру этой близости причастными к Русскому миру.

А первейшим уровнем проявления духовности является нравственность – совокупность тех качеств и их деятельностных проявлений в отношении к себе и окружающему миру, которая задается духообразующей религией. Эти качества, задающиеся Священным Писанием и Священным Преданием и преломляющиеся через определенные характерные черты русского народа (как у каждой личности), образуют собою духовную матрицу русского духа, воплощаемого в Русском мире. Исследованием этих качеств славится русская словесная культура (от богословия до классической литературы). И хотелось бы отметить опыт такого исследования у немецкого ученого-русофила Вальтера Шубарта, представившего свой взгляд на русскую цивилизацию в книге «Европа и душа Востока» [5].

Сама же русская словесность является средоточием душевного уровня Русского мира, в котором находит своё выражение русский дух. Действительно, русский язык (в качестве родного или хотя бы на уровне владения им как иностранным) зачастую называют главным критерием принадлежности к Русскому миру. Это важный критерий, но недостаточный (история знает русских по духу и даже по крови людей, имевших проблемы с русским языком). Важно понимать и то, что язык – это не только словарный запас, грамматика, но и его аксиология, внутреннее к нему отношение: едва ли к Русскому миру можно отнести в совершенстве владеющего русским языком офицера ЦРУ или разговаривающего (и думающего) матом на русском языке украинского националиста. Вокруг же языкового костяка душевный уровень Русского мира образует

всё многообразие русской культуры, включая органично принятые ею ино-родные элементы (тем более что само духовное ядро русского народа было унаследовано извне) – педагогический, политико-правовой, экономический, семейный, бытовой, художественный.

Телесный же уровень Русского мира образуется внешним проявлением и осуществлением духовного и душевного его уровней. Здесь мы найдем и материальное воплощение самой русской культуры во всех вышеуказанных ее проявлениях, и исторические достижения русского народа (вместе с союзниками), включая политические, и обустриваемая по-русски природа, и физические границы распространения Русского мира – как политические, так и более широкие культурные, и, наконец, само демографическое тело русского народа и народов Русского мира.

Имея перед собою данное иерархическое устройство Русского мира (в самых общих чертах), можно подойти и к вопросу соотношения (идентификации) с ним каждой личности. Безусловно, в этом соотношении важнейшее значение будет иметь самосознание – отнесение самого себя к Русскому миру или исключение себя из него. Однако не меньшее и, возможно, еще большее значение будет иметь соответствие личности объективным критериям принадлежности: даже личностное самоопределение (субъективная самоидентификация) требует понимания этих критериев. Поэтому, в частности, мы должны допускать принадлежность к Русскому миру даже части тех людей, которые сами себя к нему не относят или даже противопоставляют, – в частности, по причине введения их в заблуждение. Самый яркий пример этому – современные украинцы (значительная их часть, не дошедшая до стадии янычарства, «выруси»), среди которых мы находим не только этнических малороссов, но даже самих великороссов. Олицетворением же Русского мира, его эталонными представителями следует считать русских святых.

Уязвимость и неопределенность понятия «Русский мир» была во многом связана как раз с отстраненностью церковного руководства и науки от его разработки. Однако, хотя и с опозданием, Русская Православная Церковь взялась за его разработку. В Наказе XXV Всемирного Русского Народного Собора «Настоящее и будущее Русского мира» [6] был выделен особый раздел «Русский мир» с попыткой дать ему смысловое определение: «Наряду с рассеянными по всему миру представителями русской ойкумены Русский мир включает в себя всех, для кого русская традиция, святыни русской цивилизации и великая русская культура являются высшей ценностью и смыслом жизни. Высший смысл существования России и созданного ею Русского мира – их духовная миссия – заключается в том, чтобы быть всемирным “Удерживающим”, защищающим мир от зла. Историческая миссия заключается в том, чтобы раз за разом обрушивать попытки установления в мире универсальной гегемонии – попытки подчинить человечество единому злему началу».

Данное определение нельзя признать безупречным, но оно верно задает направление логике. При этом оно практически сразу вызвало явно давно затаившуюся волну возмущения против церковного учения о Русском мире, которое было названо ересью не только рядом западных политологов, но и резолюцией ПАСЕ и даже рядом «богословов» раскольнического Константинопольского патриархата [7]. Что лишь подтверждает верность пути поиска.

Здесь важно обратиться к происхождению понятия «Русский мир» и указать, что официально оно впервые было употреблено в «Слове на обновление Десятинной церкви» [8] выдающимся русским святителем, входящим в собор белорусских святых, – Кириллом, епископом Туровским. Большой вклад в разработку смыслового содержания понятия «Русский мир» внесли в свое время западнорусские мыслители – от монахов Киево-Печерской лавры (во главе с киевским архимандритом и ректором Киево-Могилянской академии Иннокентием Гизелем, автором сочинения «Синописис, или Краткое собрание от различных летописцев о начале славяно-российского народа» [9]) до белорусского ученого-западнорусиста, профессора Михаила Кояловича с его фундаментальным трудом «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» [10]. И это закономерно: осознать и понять Русский мир удобнее всего на границе с его антагонистическим окружением, при условии того, чтобы самому не проникнуться его идеями.

Вопрос о смысловом наполнении понятия «Русский мир», а также толковании в его рамках многих вопросов является одним из определяющих и для строительства белорусско-российского Союзного государства. Стратегическая миссия научного сообщества заключается в том, чтобы духовно-культурная смысловая проблематика как таковая была выведена в этом созидательном процессе на первый план.

Список литературы

1. Религия и общество: мониторинг / ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring?ysclid=lwzjaqrxbm531651324> (дата обращения: 04.06.2024).
2. Соловьев, В.С. Русская идея / В.С. Соловьев // Соч.: в 2 т. Т. 2. – Москва: Правда, 1989.
3. Алейникова, С.М. «Русский мир»: белорусский взгляд: монография / С.М. Алейникова. – Минск: РИВШ, 2017. – 240 с.
4. Алейникова, С.М. Феномен национального политического маркетинга (на примере концепта «Русский мир»): автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Алейникова С.М. – Минск, 2023. – 40 с.
5. Шубарт, В. Европа и душа Востока / В. Шубарт. – Москва: Русская идея, 2000. – 446 с.
6. Наказ XXV Всемирного Русского Народного Собора «Настоящее и будущее русского мира» / ВРНС. – URL: <https://vrns.ru/news/nakaz-xxv-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora-nastoyashchee-i-budushchee-russkogo-mira/> (дата обращения: 04.06.2024).
7. Куницкий, Д.В. Русский мир: истина для Православия и «ересь» для либералов / Д.В. Куницкий // РНЛ. – URL: https://ruskline.ru/news_rl/2024/05/03/russkii_mir_istina_dlya_pravoslaviya_i_eres_dlya_liberalov (дата обращения: 04.06.2024).
8. Слово на обновление Десятинной церкви // Образовательный портал «Слово». – URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35613.php> (дата обращения: 04.06.2024).
9. Мечта о русском единстве. Киевский синописис (1674). – Москва: Европа, 2006. – 239 с.
10. Коялович, М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович. – Москва: Институт русской цивилизации, 2011. – 688 с.

References

1. Religion and society: monitoring. VTsIOM. Available from: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring?ysclid=lwzjaqrxbm531651324> (accessed 04.06.2024).
2. Soloviev VS. Russian idea. Writings: in 2 vols. T. 2. Moscow: Pravda, 1989.
3. Aleinikova SM. "Russian World": Belarusian view: monograph. Minsk: RIVSH, 2017. 240 p.
4. Aleinikova SM. The phenomenon of national political marketing (using the example of the concept "Russian World"): synopsis of a thesis for the Doctor of Politics degree. Minsk, 2023. 40 p.
5. Schubart W. Europe and the soul of the East. Moscow: Russian Idea, 2000. 446 p.
6. Order of the XXV World Russian People's Council "The Present and Future of the Russian World". VRNS. Available from: URL: <https://vrns.ru/news/nakaz-xxv-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora-nastoyashchee-i-budushchee-russkogo-mira/> (accessed 04.06.2024).
7. Kunitsky DV. Russian world: truth for Orthodoxy and "heresy" for liberals. RNL. Available from: URL: https://ruskline.ru/news_rl/2024/05/03/russkii_mir_istina_dlya_pravoslaviya_i_eres_dlya_liberalov (accessed 04.06.2024).
8. Word to update the Tithe Church. Educational portal "Word". Available from: URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35613.php> (accessed 04.06.2024).
9. The dream of Russian unity. Kyiv synopsis (1674). Moscow: Europe Publishing House, 2006. 239 p.
10. Koyalovich MO. History of Russian identity on historical monuments and scientific works. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2011. 688 p.

Информация об авторе

КУНИЦКИЙ Дмитрий Валерьевич – магистр философских наук, научный сотрудник
Института философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь;
E-mail: stremlenie-humall@yandex.ru

Information about the author

KUNITSKY Dmitry V. – Master of Philosophy, Researcher of the Institute of Philosophy,
National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus;
E-mail: stremlenie-humall@yandex.ru